

Литература и искусство

Литературная летопись

Воспоминания

ПО СЛУЧАЮ сорокалетнего юбилея Художественного театра в советских изданиях появились не мало воспоминаний о начале его, об эпохе его расцвета. Между прочим, и М. Ф. Андреева, вторая жена Горького, бывшая артистка Художественного театра, поместила свою статью в «Литературной газете». Статья называется «Повзрела в Крым». — Кажется, это была первая гастрольная поездка художественников. В те именно дни произошло его знакомство с Горьким. Чехов приехал его на спектакль «Гедда Габлер».

«В антракте слышу — рассказывают Андреева, — в коридоре глухо разговаривают с кем-то Антоном Павловичем. Общательно поумела: «Сейчас зайдет должно быть, Боюсь, он понравится ему только, это не во его вкус...» И действительно, слышу — стучится в тонкие досчатые двери убогой моей уборной — прорывается театр, где-то на бульваре. Спрашивает:

— Къ вамъ можно, Мария Федоровна? Только я не один, со мной Горький!

Сердце заболело — батюшка! И Чехов, и Горький. Встаю навстречу. Возмездь Антонъ Павловичъ, я его давно знавала, еще до того, какъ стала актрисой, а за нимъ высокая тонкая фигура въ тонкой лиловой рубашкѣ; на толовъ бѣлая фуражка, волосы длинные, прямые, укс больше и рыжие.

Неужели это Горький? Такой непривычный.

Антонъ Павловичъ, говоритъ:

— Вотъ, знакомьтесь, Горький. Восхищаетесь очень.

— Чортъ васъ знаетъ, какъ вы хорошо играете! Чуждо, чудесно, — трясая меня крѣпко за руку, невольно нарочитымъ басомъ гудитъ Алексѣй Максимовичъ... А потомъ улынулся, сверкнувъ зубами, и глянулъ его изумительные голубые глаза изъ-за густыхъ рѣсницъ такъ светло и ярко, что съ этой минуты, и уже на всю жизнь, сталъ онъ самымъ красивымъ и обаятельнымъ человекомъ на свѣтѣ.

Все это, конечно, ужасно многозначительно и трогательно. Но М. Ф. Андреева забыла прибавить, что и въ П. П. Крючковъ, томъ самомъ, котораго разстрѣляли по обвинению въ убийствѣ Горького и который во всякомъ случаѣ долгие годы былъ злымъ гениемъ Горького, тоже было не мало красоты и обаяния...

Надо замѣтить, впрочемъ, что воспоминатели не только вспоминаютъ, но и «творятъ легенду». Уже не знаемъ, да въ ли имъ на сей счетъ какія-нибудь укаваны свѣдѣнія, или сами они стараются, только выходя по изъ рассказамъ, что до самой революции Художественный театръ жилъ въ атмосферѣ непрестанныхъ префриваний со стороны реакционной буржуазной публики и критики. Въ действительности это, разумеется, выдор. Художественный театръ, что называется, въ сорочкѣ родился. Меценаты тратили на него огромныя деньги, а публика, можно сказать, носила на рукахъ и его въ цѣломъ, и каждого его артиста въ отдѣльности. За исключениемъ двухъ трехъ явныхъ неудачъ, все его по становки пользовались исключительнымъ вниманіемъ и огромнымъ, по правдѣ сказать, даже и не всегда заслуженнымъ успѣхомъ. Но теперь дѣло изображаютъ иначе. Леонидъ Леоновъ прямо въ ужасъ приходится, вспоминая; съ какимъ мужествомъ дѣятели Художественнаго театра «защипали свои творческія познания отъ палачовъ и погубителей, со стороны мракобѣсовъ и реакціонозоровъ въ дореволюционное время. Правда, Леоновъ въ ту пору еще былъ ребенкомъ или подросткомъ, и ему, въ сущности, приходится, не столько вспоминать, сколько «представлять себя», но и «представляетъ себя» онъ все совершенно такъ, какъ полагаются. За то въ воспоминаніяхъ Андреевой, надо ей отдать справедливость, положеніе дѣла изображено гораздо болѣе правдиво. Она рассказываетъ, какъ въ театрѣ волновались во время перваго представления «Чаикъ» и какъ обнимались, кричали и плакали отъ радости, когда успѣхъ постановки выяснился. Выходить — дореволюционная публика, все-таки умѣла кое-что понатъ и оценитъ, и ей самая оценка Художественный театръ отнюдь не отвергалъ, да не гнушался.

«Разсказъ о чистой любви»

Недавно показалось намъ на глаза довольно любопытное произведение советскаго писателя Рахтанова — «Разсказъ о чистой любви». Это — исторія пѣвца дарна, который работал на стропильнѣ въ заводѣ имени Сталіна. Влаблѣлся парень въ чудную дѣвушку, у которой глаза были «стемной обжаренной», а плечи — «крумяныи обжаренной». Однако, дѣвушка не стала этого хорошаго парня. Она мечтала о купальномъ костюмѣ, требовала пѣвоточныхъ подшошекъ, да еще вдобавокъ увлеклась не парнемъ, а пижонеромъ, у котораго были му выключены способности. Словомъ — дѣвушка обмаруживала всѣ гнусные признаки буржуазнаго разложения. Но сердце не управляетъ трудно. Видѣлъ, видѣлъ

хорошія парень всѣ ей недостатки, но страдалъ и писалъ стихи о ней — следующие стихи:

Полна — это имя,
Не корова это выма,
Имя дѣвичьи той,
Что я люблю.

О Сулейманъ.

Нѣкій Эфенди Капиевъ заработалъ не мало денегъ и славы на славу Сулеймана Стальскаго. Онъ давалъ репортажъ о «Гомерѣ XX столѣтія», пока Сулейманъ былъ живъ, онъ редактировалъ сочиненія Сулеймана и въ оригиналахъ и въ бесчисленныхъ переводахъ на всевозможные языки, онъ писалъ биографію Сулеймана, составлялъ сборники статей о немъ и т. д. Въ послѣднее время Сулейманъ какъ-то заболѣлъ, а съ нимъ и Эфенди Капиевъ. Но Эфенди Капиевъ въ такой моментъ, чтобы дать о себѣ забытъ. Теперь онъ написалъ новую книгу — разумеется, все о томъ же: о Сулейманѣ. Въ «Литературной газетѣ» напечатана отрывокъ изъ этой книги, подъ заглавіемъ «Разговоръ о поэзіи». Изображена разговоръ Сулеймана съ вѣчнымъ Хасъ-Булатомъ (о, Господи!), который совѣтуетъ Сулейману перестать писать, отдохнуть немного. Разговоръ выдержанъ въ стилѣ восточной мудрости и поэзии.

— Я еще живъ, зачѣмъ ты навязываешь мнѣ отдых? Остань Хасъ-Булатъ, — говоритъ Сулейманъ.

— Но поэтъ долженъ быть бережливымъ. Ты вѣдь болѣенъ.

— Поэтъ долженъ быть щедрымъ, какъ соловей! Я не болѣенъ.

— Но сердце не камень, Сулейманъ. Нельзя непрерывно высвѣтъ изъ него огонь.

— Слушай, Хасъ-Булатъ, я думаю иначе.

— Грузъ пережитого бродитъ въ моемъ сердцѣ, какъ черный виноградъ. Онъ загниваетъ, плѣнь, и если наклониться надъ нимъ, то даже запахъ его опьяняетъ голову и закипаетъ кровь. Этого достаточно тебѣ?..

И дальше — еще красивѣе:

Пѣсни донского казачества

ВСѢМЪ извѣстно, что въ советскій Россіи уже давно господствуетъ увлеченіе фольклоромъ окранныхъ народностей. Въ порядкѣ «изученія этой проблемы» обратились советскіе литературовѣды и къ фольклору сталинградской области*) (такъ теперь называется область войскаго Донскаго; Сталинградъ — новое наименованіе Царицына). Стоять на настаивать на не лѣтности подобнаго подхода къ пѣснямъ донскаго казачества. Казаніе вѣдъ никогда не были отдѣльной народностью. Донской фольклоръ былъ и остается неотлѣимой частью фольклора русскаго. Достаточно просмотрѣть «Сборникъ» выпущенный сейчасъ подъ редакціей иркутскаго И. Краукова, чтобы убѣдиться, насколько тѣсно связано устное творчество казаковъ съ народной поэзіей другихъ краевъ Россіи — на протѣ

женіи вѣковъ, общими были и темы и ихъ разработка, и самая форма былинны или пѣсни. Большинство пѣсенъ, вошедшихъ въ книгу — просто русскія пѣсни. Ихъ распредѣлили, конечно, и на Дону — но гдѣ ихъ не пѣли: назовемъ для примѣра «Послѣдній по нѣшній денечекъ» или «Зачѣмъ я, мальчикъ, спорю!»). Однако, и чисто казачьи пѣсни полностью остаются русскими; многія изъ нихъ — чистѣйшіе и наиболѣе художественные образцы народнаго русскаго искусства.

Именно какъ таковыя, ихъ читаетъ съ большимъ удовольствіемъ, съ истиннымъ наслажденіемъ. Жаль только, что чтеніе ихъ нѣсколько затруднено нарочитой классификаціей по рубрикамъ, напоминающимъ о классовомъ подходѣ — что, кстати, почти всегда идетъ вразрѣзъ съ самимъ текстомъ.

Куда проще было бы распредѣлитъ пѣсни по традиционному большому раздѣламъ: эпосъ, бытъ, лирика и т. д. Эпическое творчество казаковъ состоитъ изъ оригинальныхъ былинъ, въ которыхъ Илья Муромецъ и др. наши богатыри встречаются и съ новыми лицами (напр., Александромъ Маркеловскимъ), и изъ историческихъ пѣсенъ о казачьихъ герояхъ, какъ разбойничьихъ, такъ и служившихъ Россіи и царской власти. Среди казачьихъ пѣсенъ выделяются похвалы — всѣ остальные мало чѣмъ отличаются отъ образцовъ, пѣлющихъ, и др. подобныхъ пѣсенъ любой русской провинціи. Темы казачьей лирики также общи: любовь, разлука, измѣна, проводы въ походъ, предчувствіе смерти. Этимъ стихотвореніемъ больше-чѣстью пріисуща особая, столь характерно русская прозвонительность. Предметны заключающая сборникъ дѣтскія пѣсенки.

Есть, однако, въ книгѣ часть, вызывающая при чтеніи определенное раздраженіе. Это — «Пѣсни советскаго Дона». Мы не сомнѣваемся, что и сейчасъ, полъ большевикимъ игомъ, казачья поэзія продолжаетъ послушно жить. Но, конечно, не ея образцы представлены намъ въ книгѣ, а казенныя советскія стихи, типа частушекъ или панагиріковъ Сталину. Художественной ценности они лишены абсолютно, что особенно подчеркнуто составомъ съ подлинными пѣснями. Что же касается содержания, то какъ не возмутиться нанимнымъ словословіемъ Сталину, Ворошилову и Буденному и длиннымъ, напыщеннымъ тирадамъ противъ Деникина, Врангеля и ихъ соратниковъ.

Трудно повѣритъ, что даже казаки, оставшіяся на Дону, не знали, что были ихъ вожди въ эпоху гражданскаго войны — и кто были ихъ враги. Неумѣлая советская пропаганда никого, конечно, не ранитъ — но обидно, что эта убогая «политрамота» портитъ впечатлѣніе отъ книги, которая для многихъ изъ насъ могла бы оказаться родной и близкой.

— На свѣтъ много чудесъ, и ты, конечно, всего не знаешь, — говоритъ Сулейманъ. — Разные бываютъ поэты. Дождъ одинаково орошаетъ землю, но въ пустыни не растутъ травы.

— Пустыня мертва, Сулейманъ!

— Пустыня — это пустыня, юноша! Мертвое всегда холодно, а пустыни бываютъ плодами и горячими, и полными жизни, змѣй, скорпионовъ, шакаловъ. Пустыня страшнѣе старости. Это болѣзнь, ржавчина, безплодие души, и выльчить ее трудно, чѣмъ выльчить старость. Бываютъ разные поэты, какъ почва!

— И еще:

— Ты слушай, Хасъ-Булатъ!... Повторю, что многоопытенъ и молодъ душой! Его душа должна быть жаркой и обильной, какъ солнце лѣтомъ, его ненависть должна быть мощной и яростной, какъ рѣка въ грозу...

Кончается все такъ, какъ должно кончилось:

— Могу ли я молчать въ такое время? (Въ сталинскую эпоху. Гул.) Не могу, разъ я поэтъ, и ты не совѣтуешь мнѣ отходить.

— Ты говоришь мудрыя вещи, Сулейманъ. Я не могу съ тобой спорить.

Гулливеръ.

„Парижская любовь“ Новое обзоріе въ „Мазино де Пари“

По роскоши костюмовъ и декораций, по сложности и оригинальности мизансценъ, эта музыкальная феерія съ достоинствомъ поддерживаетъ традицію перваго парижскаго «Музыка-холла». Правда, за исключеніемъ Мориса Шевалье, вниманіе публики не притягиваетъ ни однимъ сильнымъ индивидуальнымъ дарованиемъ, но слаженности, динамичности и бравурности почти безоглядной сцены впечатлѣній столь ярко и мастерски спланы, что весь спектакль оставилъ праздничное и подлинно театральное впечатлѣніе. Одна злободневная тема обработана даже съ большимъ литературнымъ тактомъ и въ нѣсколькихъ контрастирующихъ по настроенію и ритму картинахъ чудесно поэтизируетъ почти хроникерскія факты. Это — «Королевскія визиты». Особенно хорошо сцена прѣзала «Эдуарда VIII въ бытность его наслѣдникомъ». Кулисы Национальной Оперы. Балетмейстеръ, азыдованная торжественнымъ спектаклемъ, преподаетъ ученикамъ его урокъ, какъ надо дѣлать придворный реверансъ. Внезапно занавѣсь подымается: въ чудес-

ной перспективѣ открывается видъ на зрительный залъ Национальной Оперы. Остроумно и четко, сплюснко къ зрителю, поставлена мазурика въ «Компелли». Эту сцену виртуозно поставилъ нашъ соотечественникъ, балетмейстеръ Скинбинъ, который на протяжении всего спектакля проявляетъ большую изобрѣтательность въ своихъ композиціяхъ.

Морисъ Шевалье даже въ скептическомъ и пресниенномъ зрителѣ вызываетъ глубокую симпатію и восхищеніе.

Партнерша Шевалье — Нита Райа изящна, пластична, съ музыкальной дикціей. Къ слову, она — наша соотечественница.

Ошеломляющія акробатическія танцы сестеръ Зенги. Почти ирреальная, нормальная пластику типа извращающая техника, становится непостижимой, когда солная фигура одной съ математической точностью ритма дублируется партнершей. Очень остроумно и мѣтко ихъ номеръ на программѣ озаглавленъ: «Два цѣнныхъ цѣнностей».

А. Ш.

ФРАНСИЗЪ ЖАММЪ

Французскія газеты оповѣстили миръ о смерти «большаго поэта Франсиза Жаммъ».

Врядъ ли этотъ громкій знителъ определитъ характеръ дарованія некоего поэта. Для «большаго поэта» Жаммъ былъ слишкомъ замкнутъ — не въ томъ, правда, смыслѣ, какъ были замкнуты «герметическіе» поэты временъ символизма. Темы Жаммъ доступны каждому: природа, славные челоѣки съ миромъ, жажда вѣры и мудрости ея обретенія. Но трактовка Жаммъ всегда своеобразна и какъ то слишкомъ интимна; самый звукъ его стиховъ свидѣтельствуетъ о подчеркнуто личномъ подходѣ. Кроме того, мѣръ для Жаммъ незаметно сводился къ его баскской провинціи — не случайно оно такъ ненавидѣлъ, когда его фамилію поверкали на англійскій ладъ (Франсизъ Джемсъ).

Но подлиннымъ и на редкость чистымъ поэтомъ Жаммъ былъ безусловно. Въ самой убоги отъ «личнаго переживанія» — залогъ нѣкоей правдивости. Въмѣстѣ съ Клодемомъ представляется онъ за послѣдніе годы католицизмъ во французской поэзіи.

Клодезь, безспорно — шире и философскіе развитіе Жаммъ; зато, читая его безхитростныя строки о Богѣ, проникаются легкая условнымъ, олеографическимъ представленіемъ о Немъ, знаемъ, что рѣчь идетъ действительн о живомъ Существованіи, а не объ отвлеченной богословской схемѣ.

Въ стихахъ Жаммъ много дѣтскаго — и дѣтское смиреніе, и дѣтская гордость: отсюда большое и неподдающееся ихъ очарованіе. Жаммъ былъ рѣдкимъ мастеромъ т. и. «свободнаго стиха» — вмѣстѣ съ тѣмъ же Клодемомъ и Полемъ Форомъ.

Въ ноябрьскомъ номерѣ «Нувелль Ревю Франсизъ» напечатаны отрывокъ изъ новъ романа Жироу «Выборъ избранныхъ», статья Марселя Арлана оъ Алленѣ Фурыне и друг.

ВЪ ОВНІКЪ КЛОСТРАШНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Исполнилось 20 лѣтъ со дня смерти французскаго поэта Гіюма Аполлинера. Многие французскіе журналы и ежедневныя повстали по этому поводу Аполлинеру ставни.

Въ Издательствѣ Фаляръ вышла книга воспоминаній Октава Хомбрега: «Кулисы исторіи» (1898—1928).

Въ серіи «Образы великихъ людей» при издательствѣ Плонъ, вышло три новыхъ книгъ: «Командант Лопиталя» о Фоліѣ, Леона Лейдера — о королѣ Альбертѣ бельгійскомъ и Пьера Бельперона о Невиллѣ Чемберленѣ.

Новые романы французскихъ молодыхъ авторовъ: «Торговці тѣнями» Андрѣ Кайата, «Жизнь прекрасна» — Марселя Марги, «Кварталь Мориссона» — Марин Моро.

Изрѣстными нѣмецкіи писатель Генрихъ Маннъ выпустилъ историческій романъ «Молодость Генриха IV».

Вышла книга Эдуарда Эрро «Святлища». Въ этой книгѣ Эрро описываетъ свои впечатлѣнія отъ посѣщенія различныхъ мѣстностей, памятныхъ въ историческомъ отношеніи.

Дочь академика Анри-Бордо, Пола Анри-Бордо, выпустила двухтомное изслѣдованіе о Марин Стюартъ.

Владиславъ Ходасевичъ

КНИГИ И ЛЮДИ

КАЖДАЯ новая эпоха приноситъ новое пониманіе прошлому — въ томъ числѣ новое пониманіе литературныхъ памятниковъ. Пересмысленіе произведеній классической литературы съ одной стороны способствуетъ ихъ болѣе точному, болѣе вѣрному, порой — болѣе углубленному ихъ толкованію, съ другой помогаетъ новому поколѣнію самого себя уяснить и выразить. Совѣмъ не случайно, что значительная и жизнеспособная литературная дѣятельность обычно начинается свое бытіе съ перереоцки, болѣе или менѣе отдаленныхъ предшественниковъ: въ такнхъ переопцкѣ какъ они обрѣтаютъ поводъ и материалъ для самоопредѣленія. Всегда естественно, что чѣмъ болѣе истинной новизны приноситъ новое поколѣніе, тѣмъ болѣе оно слѣдуетъ высказаться о классикахъ. За примѣромъ ходить не далеко: историко-литературныя работы Мережковскаго, Вячеслава Иванова, Брюсова, Андрѣя Вѣлаго привели къ тому, что послѣ символовъ мы научились нными глазами смотреть на Достоевскаго, Гоголя, Лермонтова, отчасти даже на Пушкина; Баратынскій, Тютчевъ и Фетъ получили новую, высшую оценку; Каролина Павлова была, можно сказать, извлечена изъ забвенія.

Около года тому назадъ, рецензируя очередную книжку альманаха «Кругъ», съ горестнымъ недоумѣніемъ отнѣтилъ въ ней отсутствіе какого бы то ни было отклика на пушкинскія юбилеи. Оно показало мнѣ признакомъ внутренняго отрыва отъ пушкинской традиціи. Пожалуй, было бы вѣрнѣе увидѣть здѣсь не отрывъ отъ традиціи, а нечто иное, еще болѣе прискорбное: неумѣніе ни связать себя съ нею, ни отъ нея оттолкнуться. Учасники «Круга» ни единымъ словомъ не обмолвились о Пушкинѣ потому, что имъ нечего сказать прежде всего о самыхъ себѣ. Своей позиціи по отношенію къ Пушкину не опредѣлили они потому, что пушкино «любовни» не имѣють. Отсюда же — ихъ полное равнодушіе къ исторіи литературы вообще. Отсутствіе живой воисннншн лпшаеть ихъ интереса къ старій.

Однако, было бы несправедливо обвинять въ этомъ только ихъ. Эмигрантская литература вообще, какъ я уже не разъ отнѣчалъ, лишена внутреннея предпринимчивости. Старше отислуживающъ въ давно построенныхъ (и, можетъ быть, уже облетѣвшихъ) крѣпостяхъ, младше (не только участники «Круга») не отваживаются на дальнія вылазки. Литературный горизонтъ и тѣхъ, и другихъ до крайности суженъ. Не глядя въ будущее,

теиская и психологическая, но и метафизическая, духовная гибельность всякой страсти, всякаго безудержнаго пристрастия, на какой бы даже ничтожной объектъ она ни было направлено: страсть къ шинеи губитъ Акакія Акакіевича не только въ земной, но и въ загробной жизни.

Съ основными положеніями Д. Чижевскаго, мнѣ кажется, трудно не согласиться съ. Но не слѣдуетъ ли слѣдуетъ ли намъ въ которое добавленіе? Чижевскій самъ не отрицаетъ того, что социальное толкованіе «Шинели» не лишено оснований; онъ только отводитъ социальную мотиву, весьма незначительное мѣсто въ вымыслѣ Гоголя, считаетъ его случайнымъ, побочнымъ, — и въ этомъ, можетъ быть, не совсѣмъ правъ. Мечта о шинели, дѣйствительно, возникла у Акакія Акакіевича подъ вліяніемъ наступившихъ морозовъ, то-естъ въ связи съ его общественнымъ положеніемъ. Однако, съ того момента, какъ Акакія Акакіевичъ сдѣлался обладателемъ своего сокровища, шинель оказалась свое дѣйствіе и въ социальное сферѣ: Акакія Акакіевичъ черезъ нее возвысился въ глазахъ сослуживцевъ. Обратн: катастрофическая утрата шинели вновь обрекла Акакія Акакіевича не только на замерзаніе, но и на оба же, со стороны общества. Слѣдовательно, маньякальная и грѣховная приверженность гоголевскаго героя къ шинели, при ведая его въ физическую и духовную гибель, тѣмъ же связана съ его социальнымъ положеніемъ, лежелл кажется автору статьи. Именно на эту связь намекаетъ и эту связь объясняетъ то, упомянутое выше, мѣсто въ «Шинели», въ которомъ говорится о напоспѣвшихъ Акакію Акакіевичу обидѣхъ. Великія униженія, выпавшія на долю Акакія Акакіевича и до пріобрѣтенія шинели, и послѣ ея утраты, конечно, не оправдываютъ его грѣховной приверженности къ этому малому земному благу, но все-таки они много въ ней объясняютъ, — чего, разумеется, мы и должны ожидать въ столь совершенномъ произведеніи, какъ «Шинель», въ которомъ ни одна частность не случайна, но все входитъ въ составъ общаго замысла, исполняя въ немъ ту или иную существенную функцію.

Изъ литературныхъ статей, напечатанныхъ въ той же книжкѣ «Современныхъ Записокъ», еще одна, несомненно, привлечетъ вниманіе читателя. Это — статья И. А. Гупина о покойномъ Купринѣ. Мемуарнаго материала въ ней почти нѣтъ, рѣчь идетъ не о личности Куприна, а оъ его творчествѣ. Вѣроятно, многихъ весьма удивитъ суровѣйшій приговоръ, вынесенный безспорнымъ королемъ современной русской прозы недавно умершему другу. Принято было думать, что между Вунинимъ и Купринимъ существуетъ известная литературная близость, обусловленная возрастномъ, эпохомъ, общностью вкусовъ. Оказывается, ея не было. Впрочемъ, это открытѣе, кажется, было изслѣдовано удивительно и для самого Вунина. Въ его статьѣ слышатся нѣкоторыя изъ удивленіе, овадченности

тѣми грустными выводами, которыхъ Вунинъ прямо не дѣлаетъ, но которые сами собой напрашиваются. Статья называется «Перечитывая Куприна» — и названіе это не случайно. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ купринской смерти Вунинъ взялъ его книги, перечелъ ихъ — и увидѣлъ недостатки Куприна съ такой ясностью, съ какой, вѣроятно, до сихъ поръ ихъ не видѣлъ. Читалъ онъ въ хронологическомъ порядкѣ, стараясь въ писаніяхъ Куприна замѣтить и подчеркнуть нѣкоторый прогрессъ. Онъ его и замѣтилъ, и подчеркнул неоднократно, но все-таки всякій разъ былъ вынужденъ отговариваться: «Съ военныхъ разсказовъ дѣло пошло уже иначе, — пишетъ Вунинъ, — а я все чаще сталъ внутренне восклицать: отлично! Тутъ опять все невозможно не въ мѣру ладно, гладко, опанто, но все это переходитъ въ подвѣнное мастерство, все другой пробы, особенно «Свадьба», разсказъ, не вставляющій, не въ примѣръ прочимъ названнымъ, думать: «охъ, сколько тутъ Толстого и Чехова!» — разсказъ очень жестокой, отталкивающей шаржею, но не блестящій. А когда я дошелъ до того, что принадлежатъ къ порѣ высшаго развитія купринскаго таланта...», — читая, онъ не могъ думать о недостаткахъ этихъ разсказовъ, хотя въ числѣ ихъ есть и крупныя: тутъ дешевая дѣйствіе, мѣлане не отстаетъ отъ духа своего времени въ смыслѣ общичности и гражданскаго благородства, тамъ заранѣе обдуманное манерное поразитъ драматическою фабулой и почти свѣршимъ реализмомъ...»

Словомъ, повторяю, несмотря на отнѣченныя достоинства, общій приговоръ Вунина вышелъ строгъ, и эта строгость, конечно, вызоветъ разпорѣчные толки. Со своей стороны позволю себѣ замѣтить, что въ коечечномъ счетѣ Вунинъ мнѣ кажется по существу правъ. Нѣкто, въ эпоху расцвета купринской славы, символическая критика; не смущаясь, являла Куприна «сероссійской» бездарностью». Въ противоположномъ лагерѣ Куприна готовы были объявлять чуть не наслѣдникомъ Льва Толстого. И то, и другое было въ равной степени невѣрно. Именно бездарностью Куприна никакъ нельзя было считать, потому что природный даръ его былъ великъ, несомненно. Но ни Толстому, ни кому бы то ни было въ классикѣ нашихъ Купринъ не могъ наследовать по той приципѣ, что ужъ очень не велика была его литературная культура. Недостатки, нѣтъ такъ вѣрно отнѣченные у него Вунинимъ, простекаютъ именно отъ некультурности, которую Купринъ порою (и не рѣдко) умѣлъ пообдѣять, а лишь заслонить папоротомъ, «шуртомъ», талантомъ. Работать (какъ работалъ Пушкинъ, Толстой, Гоголь, какъ мнѣ кажется работавъ Вунинъ) онъ не умѣлъ, и это свое неумѣніе принималъ за не любовь къ писательскому ремеслу (въ такой не любви онъ не разъ признавался). Вунинъ съ большой прозвонительностью осуждаетъ въ немъ «ладность», «гладкость», которыхъ ему порою удава-

лось добиться. И то, и другое не было въ немъ слѣдствіемъ истиннаго «боренія съ трудностью», а всего лишь усвоеніемъ извѣстныхъ литературныхъ штамповъ. Сейчасъ, кажется, принято считать, что написанное имъ въ эмиграціи стоитъ влчательно выше написаннаго прежде. Не могу съ этимъ согласиться. Какъ ни ослабѣлъ былъ въ немъ физическій и душевный «составъ», личный опытъ измены къ эпохѣ эмиграціи былъ имъ отчасти пріобрѣтенъ. Въ «Жанеттѣ», предвосхищая начатой и сравнительно слабо законченной, потомъ въ «Юнкерахъ» есть страницы такого своеобразнаго мастерства, котораго раньше ему достигать не случалось. Старость лишила его того литературнаго уальства, которое многими, ошибочно, принималось за «мощность». Письмо его стало — какъ будто бѣднѣе, на самомъ же дѣлѣ — сдержаннѣе, благороднѣе. Онъ никогда не былъ челоѣкомъ сильной мысли, но у него появилась та мягкая, пусть уже старческая, вдумчивость, которой ему прежде не доставало.

Въ беллетристическомъ отдѣлѣ отчетливыя книжки законченъ «даръ» Сирина. Однако, изъ подробнѣе выключена цѣлая глава, да и все печатаніе такъ растянута, что сейчасъ мнѣ не представляется возможнымъ высказаться о всей вещи въ цѣломъ. Надѣюсь посвятить ей особую статью, когда она появится въ отдѣломъ изданіи, безъ сокращеній. Буду писать обою и о «Путешествіи Габба» В. К. Зайцева, когда появится его вторю томъ. Сейчасъ въ «Современныхъ Запискахъ» дана лишь одна глава изъ этого тома.

«Ошибки», поный разсказъ Г. Гадалова, вставляетъ въ общемъ повторить то, что уже не разъ приходилось писать. Какъ въ послѣдній разсказъ Гадалова, и отогъ написанъ великолѣпной прозой, плавное и увѣренное мастерство которой не имѣетъ себѣ равныхъ среди современныхъ молодыхъ нашихъ авторовъ. Прекрасна вообще вся экспозиція вещи, отлчно задуманы, поааннн и разстановлены по мѣстамъ всѣ ея персонажи. Но лишь только они приходятъ въ движеніе, лишь только чудесно распрощенный механизмъ начинается дѣйствовать, — тотчасъ оказывается, что дѣйствуетъ онъ испустно, что ради того, чѣмъ кончается судьба всѣхъ этихъ персонажей, лишь про сто не стоило возникать назъ события. Отлично изобрѣтая своихъ героевъ, Гадаловъ словно не знаетъ, что ему съ ними дѣлать дальнѣе. Узелъ, завязанный въ «Ошибкѣ», развивая такъ беспомощно и неважно, до такой степени внутренне немотивированно, какъ это бываетъ только въ дѣтскихъ писаніяхъ, когда требуется высвети изъ затруднительнаго положенія не дѣйствующія лица, а самого автора.

Въ болышомъ и разнообразномъ поэтическомъ отдѣлѣ надо отнѣтитъ стихи З. Н. Гиніпузъ (въ особенности послѣднее стихотвореніе, «Придверникъ») и Аллы Головиной.

Владиславъ Ходасевичъ.